

СЕЛЬСКИЙ ЛИРИК

Я памятник себе воздвиг нерукотворный
в селе моём!.. Трубы водонапорной

побольше будет он по высоте!
Пока мечтам не писаны законы,
роняет небо звёзды на погоны
и званье соответствует мечте!

А подо мной дома и огороды,
колодцы, трактора, животноводы,
на лавочке Серков-пенсионер.
Вы про известность мне не говорите.
Я здесь в селе гораздо знаменитей,
чем Вознесенский или Искандер!

Я памятник воздвиг... Высокий вроде,
мне видно, что растёт на огороде
и виден лес встречающий грозу.
Я над селом, как будто в карауле.
Кричат внизу: «Слезай, Витёк, покурим.
Прочти стихи про кузькину козу!..»

И высотой горней окрылённый,
читаю им с восторгом, вдохновенно
про кузькину козу и про быка.
Что даже зоотехник на правленьё
отметил: повышаю настроенье,
а значит, и надои молока.

Мой дом почти как штаб при сельсовете,
посколь стихи печатаю в газете
под сводкою районных новостей, –
то жители доверчиво и просто
идут ко мне то с жалобой, то с просьбой –
глаголом покарать лихих людей:

сантехника, завхоза райбольницы
учётчика и Дуську-продавицу –
обвешивает, подлая, народ.
Я их глаголом яростным караю,
а сам в душе печально понимаю:
тропа ко мне травой не зарастёт...

СТАРАЯ КУЗНИЦА

Копоть и сажа погасших огней.
Вход занавесил подрост тальниковый.
Не оседлать здесь воскресших коней –
ржой изошли стремена и подковы.

Звон наковальни полынью сокрыт,
зябко несёт из дверей пустотою.
Так просветлённой прохладой сквозит,
будто под кузней колодец с водою.

Льются протяжно сквозь щели лучи
цветом вечерней щемящей печали.
Словно наивного счастья ключи,
счастья, которое не доковали.

Полуистлевшие спицы колёс,
мохом покрыты венцы и стропила.
Ветхую крышу прошила насквозь
жгучим дремучим побегом крапива...

В полночь под лай деревенских собак
скорбная тень кузнеца оживает.
Тяжко вздыхает и курит табак,
в горне остывшем золу разжигает.

Глухо меха проворчат и огни
вспыхнут на время и тут же погаснут.
Словно хотел озарить наши дни,
но убедился, что это напрасно...

* * *

Рубит новую баньку Савельев Андрей.
Рубит в «лапу» углы, как по нитке!
Так подгонит венцы – ни горбов, ни щелей
и, мерцая, лежат словно слитки!

Он ошкурит бревно и смолистый настой
зном вызвенит связь поколений:
берендеевый полдень и свет золотой
деревянных столиц и селений.

Исполняет Завет топора да пилы!
Не работает – будто играет!
И топор его ловко разносит углы,
и впритирку пазы выбирает.

Ляжет комель к вершине, вершина к комлю,
свяжет плотно «замком» и шкантами.
Я, пожалуй, себе тоже баньку срублю,
полно душу морочить стихами!..

Выйдет Люба, жена, томно к срубам прильнёт
и подаст мужу квасу бидончик.
В каждом слове то лебедь, то солнце живёт,
то цветок полевой колокольчик.

И жене улыбнётся Савельев Андрей,
пот с лица рукавом утирая.
До чего же любовь возвышает людей,
быть красивыми повелевает!..
Он щепу соберёт и стаскает во двор –
будет печке растопка и пища!

И в холодную воду опустит топор,
чтоб остыл и окреп топорищем.
Неприметное счастье житейских основ:
сходит Люба с ведром за водою.
Приготовит на ужин сметаны, блинов
и корову Рябинку подоит...